

Л. Ворохцова, В. Щепкихъ, С. Долговъ.

ПАМЯТИ

ПРОФЕССОРА

1905
648.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА

ВЕРНИЧЕНКОВА.

ХАРЬКОВЪ.

пографія „Печатное Дѣло“ нн. К. Н. Гагарина, Клочковск.—5.

1904.

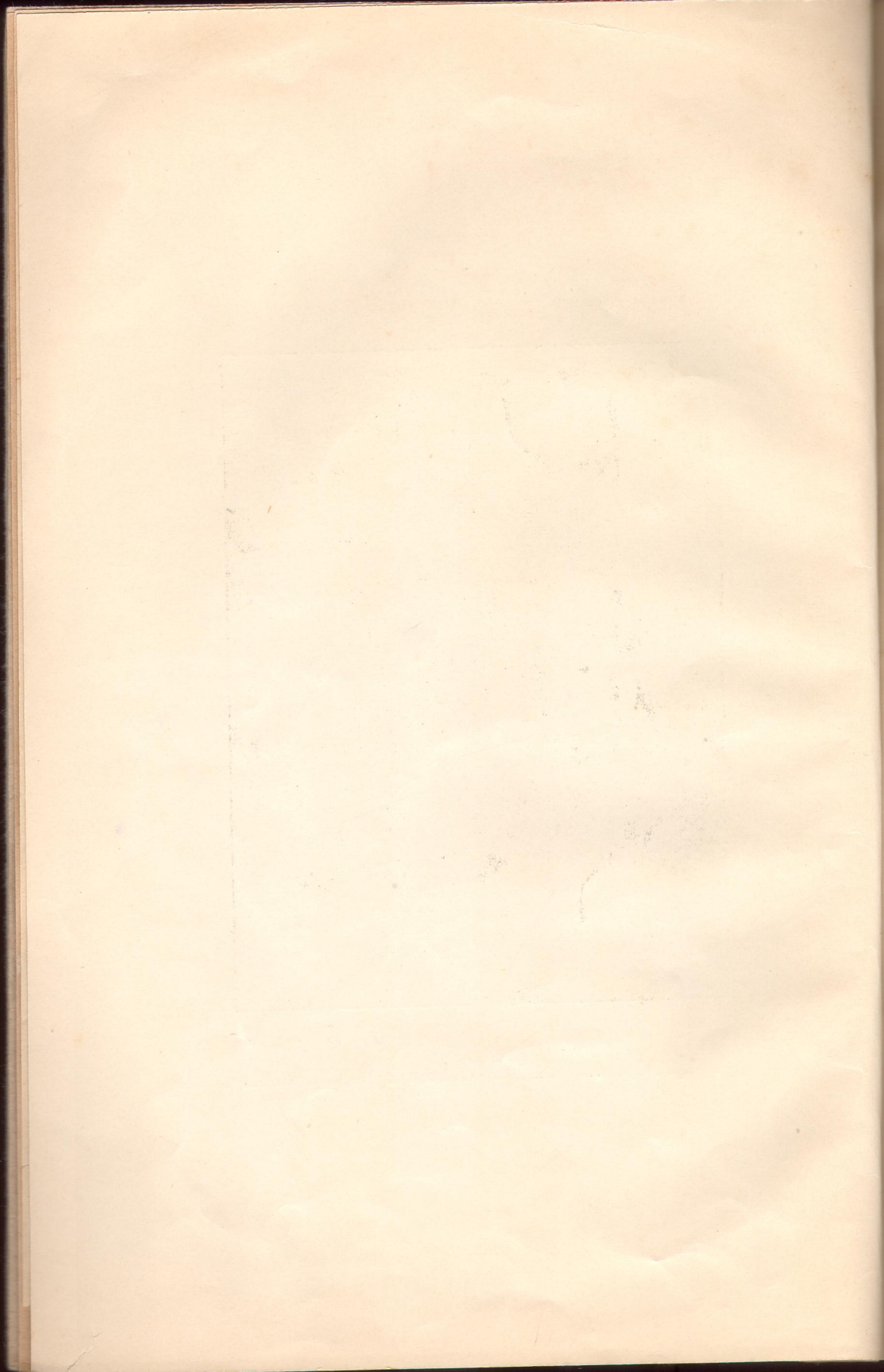
99 08

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при Х.
Інв. №

Отдѣльные оттиски изъ Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества т. XIV.
Печатать разрѣшается на основаніи § 37 Устава Историко - Филологическаго Общества
Предсѣдатель Проф. *Н. Сумцовъ*.

Профессоръ Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ.

Памяти проф. А. И. Кирпичникова ¹⁾.

I.

Тяжелый долгъ выпалъ на мою долю, долгъ, о которомъ я боялась когда-либо и помыслить и тѣмъ не менѣе онъ всталъ передо мною такъ скоро, такъ внезапно: мнѣ приходится посвящать свои слова памяти безвременно скончавшагося А. И. Всѣ члены Общества несомнѣнно создаютъ всю тяжесть утраты, которую понесли они въ лицѣ такого выдающагося ученаго и знатока древностей, какимъ былъ А. И.; для меня же лично потеря моего незабвеннаго начальника и наставника въ дѣлѣ изученія древностей незамѣнима.

Заслуги А. И. въ области науки налицо предъ всѣмъ свѣтомъ, и не мнѣ въ моей настоящей краткой рѣчи пытаться разъяснить ихъ и давать какую-либо характеристику его ученой дѣятельности: это дѣло всего ученаго міра, нѣсколькихъ поколѣній; объ нихъ мы будемъ слышать рѣчи и на сегодняшнемъ засѣданіи, объ нихъ не перестанутъ говорить еще и наши потомки. Я хочу только сказать, когда для всѣхъ насъ такъ еще живо впечатлѣніе утраты, какой это былъ идеальный человѣкъ, неутомимый труженикъ и неоцѣнимый наставникъ для всякаго, нуждающагося въ его помощи.

Судьба дала мнѣ, хотя и не надолго, смѣло могу такъ выразиться, великое счастье—служить подъ начальствомъ А. И. и, благодаря тому, близко узнать этого рѣдкаго человѣка, познакомиться съ его трудами, такъ сказать, методомъ его работы и пользоваться его указаніями. Онъ производилъ на окружающихъ прямо чарующее впечатлѣніе: подкупали

¹⁾ Рѣчи, произнесенныя въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, посвященномъ чествованію памяти проф. А. И. Кирпичникова, 16 мая 1904 г.. Рѣчи г-жи Л. Воронцовой и В. Н. Щепкина напечатаны въ Древностяхъ, Трудахъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, т. XX, вып. II, 1—4, 22—26. Тутъ же (5—22) помещена статья г-жи Л. Д. Воронцовой «А. И. Кирпичниковъ, какъ изслѣдователь русской иконографии и его заслуги въ этой области». Въ настоящемъ Сборникѣ напечатана сходная по темѣ статья Е. Б. Рѣдина: Обзоръ трудовъ А. И. Кирпичникова по христіанскому искусству и археологiи (См. стр. 63—80).

его необыкновенно свѣтлые взгляды на міръ, на долгъ человѣка, его необычайная доброта, готовность во всякую минуту служить, чѣмъ могъ, всѣмъ и каждому, чуткость, способная понять всякое ваше душевное движеніе. Къ нему всегда можно было смѣло итти и рассказать свое затрудненіе или горе, въ полной увѣренности, что онъ пойметъ васъ, сердечно отнесется къ вамъ и дастъ краткій и дѣльный совѣтъ. Товарищъ А. И., проф. Андреевъ, вѣрно охарактеризовалъ его въ своей рѣчи: «онъ былъ слугою для всѣхъ» и «человѣкомъ долга». Долгъ, заключавшійся въ вѣчномъ служеніи наукѣ и общему благу, былъ для покойнаго выше всего въ мірѣ; ради него онъ не задумывался жертвовать собою, собственнымъ спокойствіемъ и даже своимъ здоровьемъ. Просить А. И. позаботиться прежде всего о собственномъ благополучіи и потомъ уже о пользѣ другихъ—значило навлечь на себя его явное неудовольствіе. Отдавая всѣ свои силы на служеніе людямъ, этотъ, исполненный чистаго альтруизма, человѣкъ свершалъ свое дѣло вполне просто, не придавая значенія своему подвигу, и не задаваясь мыслию, всегда ли люди заслуживали такого самоотверженнаго служенія. Да и не было у него дѣленія людей на «заслуживающихъ» и «незаслуживающихъ». Онъ любилъ весь міръ и всѣхъ людей со всѣми ихъ недостатками. Я не помню случая, когда бы А. И. о комъ-нибудь отзывался какъ о плохомъ человѣкѣ, и если ему случалось подмѣчать въ комъ несимпатичныя ему черты, онъ сейчасъ же старался подыскать имъ извиненіе. «Я очень вспыльчивъ, говорилъ онъ о своемъ, кажущемся только ему одному, недостаткѣ, могу наговорить человѣку много непріятныхъ словъ и обидѣть его, а потомъ пораздумаю и увижу, что вина вовсе не такъ ужъ велика». Вотъ почему онъ, всепрощающій, былъ чуждъ нетерпимости, партійности и ко всякому мнѣнію относился съ уваженіемъ.

Самъ идеально-честный, А. И. не допускалъ лжи и въ другихъ и съ трудомъ признавалъ наконецъ обманъ. Онъ былъ сама правда, свѣтлая, незапятнанная, и, стоя предъ нимъ, не приходила и мысль, не хватало духа покривить душой или что-либо утаить. Благодаря такимъ высокимъ нравственнымъ своимъ качествамъ, чрезвычайно рѣдко встрѣчающимся въ нашъ вѣкъ, подобная свѣтлая личность однимъ своимъ примѣромъ имѣла громадное нравственно-воспитательное значеніе для юношества, среди котораго протекала вся жизнь покойнаго.

Снисходительный и мягкій къ другимъ, А. И. былъ строгъ и недантиченъ къ самому себѣ. Все его время было распредѣлено и занято работой, оставлять которую онъ не позволялъ себѣ ни при какихъ обстоятельствахъ. Здѣсь въ работѣ, въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей

онъ обладалъ неутомимою энергіею и желѣзною волею. Меня всегда удивляло, когда, бывало, А. И. говорилъ, что онъ не успѣлъ что-либо сдѣлать, имѣя въ своемъ распоряженіи только 3 или 2 минуты. Потомъ скоро я поняла, что подобная строгая отчетность во времени необходима, чтобы успѣвать выполнить всю ту массу работъ, которыя предпринималъ А. И. Даже въ случаѣ нездоровья или какихъ-нибудь непріятностей онъ не бросалъ своего дѣла, не позволялъ овладѣвать собою слабости и не прощалъ этой безхарактерности и другимъ; «несчастный тотъ человѣкъ», говаривалъ онъ, кто не умѣетъ взять себя въ руки». Та-же точность въ распредѣленіи времени позволяла ему вести параллельно нѣсколько работъ, не увлекаясь одной въ ущербъ другой. Напротивъ, такая совмѣстность, по его взгляду, спасала отъ утомленія и способствовала успѣху, и онъ всегда совѣтовалъ «разнообразить свою работу». Смѣло можно сказать, что у А. И. ни одинъ день не проходилъ даромъ для него и для общей пользы и въ теченіе его онъ успѣвалъ потрудиться не для одного общества или учрежденія и двинуть впередъ не одну свою научную работу. Продолжительное, кропотливое сидѣніе надъ одной книгой или тетрадью было противно его дѣятельной, кипучей натурѣ.

Производительность и быстрота труда А. И. меня всегда изумляли. При его громадномъ запасѣ знаній и матеріаловъ по вопросамъ литературы или искусства, ему было легко сгруппировать данныя и обобщить ихъ выводами; такимъ образомъ, изъ подъ его пера быстро, почти безъ поправокъ, получался цѣнный научный трудъ.

Неустанно работая самъ, онъ съ величайшимъ интересомъ слѣдилъ за каждымъ вновь выходящимъ трудомъ по занимавшимъ его вопросамъ, ждалъ его появленія въ свѣтъ и затѣмъ разсматривалъ его съ чисто юношескою любознательностью.

Не чуждо также ему было юношеское увлеченіе всякимъ дѣломъ имъ начинаемымъ. Онъ никогда не могъ относиться къ своимъ обязанностямъ пассивно, предоставляя всему итти разъ заведеннымъ порядкомъ, а брался за дѣло съ жаромъ, съ горячею преданностію, увлекаясь идеей. Въ примѣръ я могу привести его музейскую службу, какъ наиболѣе знакомую мнѣ. Сколько было задумано имъ для отдѣленія древностей научныхъ трудовъ, изданій, описей, новыхъ способовъ систематизаціи, различныхъ пріобрѣтеній. Каждая, сколько нибудь останавливающая на себѣ вниманіе, вещь очень часто вызывала въ немъ мысль о необходимости какого-либо изслѣдованія, или о пріобрѣтеніи по данному вопросу специальной книги для библіотеки отдѣленія, или слѣпковъ фотографій съ подобныхъ же предметовъ и т. д. Такимъ образомъ, изу-

чая свой отдѣлъ, А. И. постепенно и незамѣтно намѣтилъ для своихъ, по выраженію его, «наслѣдниковъ по музею» цѣлую программу будущихъ начинаній и работъ. Изъ всѣхъ этихъ предположеній А. И-ча, при жизни его, удалось довести почти до конца только одно: описаніе всѣхъ коллекцій отдѣленія и положить основаніе специальной библіотеки изъ книгъ, имъ же пожертвованныхъ. Остальныя же мысли не суждено было ему привести въ исполненіе, и теперь остается недоконченной его работа, необходимость которой давно признана археологами,—это составленіе археологическаго словаря. Въ послѣднее время А. И. оставилъ любимое имъ отдѣленіе, перейдя въ библіотеку музея, и принялъ на себя болѣе сложныя обязанности единственно опять ради общаго блага: желая послужить и принести пользу всей читающей Москвѣ. И тамъ онъ также неутомимо работалъ, не забывая при томъ и своихъ прежнихъ занятій, работалъ не смотря на свое все ухудшающееся здоровье. Такъ за письменнымъ столомъ съ книгой и перомъ въ рукахъ и поразилъ его острый припадокъ болѣзни, приведшій его къ роковому концу.

Всякое дѣло, которымъ завѣдывалъ А. И., выигрывало вдвойнѣ. во-первыхъ, оно находилось въ рукахъ преданнаго ему и опытнаго знатока, а во-вторыхъ, онъ своей энергіей пробуждалъ усердіе и въ другихъ, окружавшихъ его работникахъ. А. И. былъ идеальнъ начальника: о какомъ либо начальническомъ деспотизмѣ, при его мягкомъ характерѣ, конечно, не могло быть и рѣчи; онъ былъ совѣтникъ, опытный руководитель, авторитетъ котораго ненарушимъ. Онъ никогда не требовалъ, не дѣлалъ замѣчаній, а только совѣтовалъ, не затрудняясь поступиться своимъ мнѣніемъ и согласиться съ другимъ въ случаѣ справедливости послѣдняго. Если что не удовлетворяло его въ работѣ, онъ высказывалъ свое желаніе объ исправленіи или дополненіи ея.

Но каждое его желаніе могло почитаться закономъ; во всякомъ словѣ чувствовался знатокъ своего дѣла, и безъ его редакціи трудъ казался незаконченнымъ. При этомъ всѣ подобныя замѣчанія А. И. дѣлалъ такъ мягко, нисколько не давая чувствовать превосходства своихъ знаній, не ставя стѣснительныхъ границъ, что казалось выслушиваешь совѣты не отъ ученаго наставника, а отъ товарища. Онъ всегда предоставлялъ занимающемуся полную свободу дѣйствій и неограниченное довѣріе, никогда заранѣе не предъявляя своихъ требованій; не въ его правилахъ было тоже отклонять трудъ, какъ бы онъ ни казался въ его глазахъ мало значащимъ или, наоборотъ, слишкомъ сложнымъ; А. И. непременно поощрялъ приняться за него, исходя изъ взгляда, что подобный путь

свободнаго опыта и постепеннаго уясненія собственныхъ ошибокъ есть наиболѣе вѣрный къ достиженію истины.

Помимо совѣтовъ и указаній источниковъ, громадное значеніе имѣла для всякаго занимающагося, и особенно, для новичка, попутно сообщаемая А. И. масса свѣдѣній изъ его личной практики. Изучивъ богатства западныхъ библіотекъ, ознакомившись на мѣстѣ съ древностями Византіи, Афона, онъ сообщалъ такіе интересные факты и выводы, что десятки специальныхъ сочиненій, говорю это по собственному опыту, не могли бы такъ ярко освѣтить предметъ, какъ краткіе рассказы А. И—ча.

Я никогда бы не кончила, если бы стала вспоминать всѣ особенности, всѣ рѣдкія душевныя свойства этой замѣчательной личности. А. И. былъ такъ богато одаренъ всѣмъ, что есть только свѣтлаго, лучшаго въ природѣ челоуѣка, что о немъ можно говорить до безконечности. Я только имѣла въ виду указать на болѣе выдающіяся индивидуальныя черты его и, хоть отчасти, выразить тѣмъ чувство глубокаго уваженія и удивленія, питаемая мною всегда къ А. И.

Память о немъ переживетъ долгіе и долгіе годы; онъ будетъ еще жить въ своихъ трудахъ, въ имѣющихся совершиться своихъ начинаніяхъ, которыя, я увѣрена, друзья и почитатели его не замедлятъ привести къ желанному концу. А. И. всегда пугала мысль оставить послѣ себя неразработанный сырой матеріаль.

То, чего онъ боялся, и случилось. Послѣднее время онъ работалъ надъ упомянутымъ уже археологическимъ словаремъ. Я почитаю своею нравственною обязанностью, по мѣрѣ силъ, продолжить этотъ трудъ, который А. И. и предназначалъ преимущественно для своихъ «наслѣдниковъ» по музею. Не пожелаетъ ли кто изъ моихъ сочленовъ, въ память А. И—ча, помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ и способствовать скорѣйшему и болѣе успѣшному осуществленію его желанія?

Л. Ворониова.

II.

Утрата, понесенная нашимъ Обществомъ, такъ свѣжа, что мы еще не можемъ дать обстоятельной оцѣнки всему, что оставляетъ намъ покинувшій насъ сочленъ.

На друзьяхъ и на ученикахъ А. И. Кирпичникова лежитъ обязанность собрать труды покойнаго по русской археологіи и освѣтить его заслугу предъ нашей наукой, которой самъ онъ давалъ широкій объемъ.

Но дѣятельность А. И—ча протекла среди насъ. Его ученые работы, его доклады послѣднихъ лѣтъ, его участіе въ реставраціи древнихъ памятниковъ художества—еще у всѣхъ на памяти. Мы еще слышимъ его научный голосъ, мы еще чувствуемъ его научную личность. У насъ достаточно данныхъ для общей характеристики тѣхъ путей, которые избралъ себѣ покойный изслѣдователь.

Мнѣ незачѣмъ повторять, что гуманность и культура были свойствами его личности. Это признано общимъ мнѣніемъ. Мнѣ незачѣмъ подробно говорить о томъ, что вступая въ Московскій университетъ, будущій изслѣдователь встрѣтилъ тамъ человѣка, широко служившаго тѣмъ же началамъ, задатки которыхъ приносилъ съ собою его будущій ученикъ и послѣдователь. Духовная связь установилась между ними легко и естественно, преемство интересовъ и изученій стало ея результатомъ.

Мы знаемъ, что въ эпоху славянофиловъ и западниковъ оба лагеря затруднялись вопросомъ, куда отнести Буслаева? Дарованіе Буслаева было чуждо исключительности; оно не становилось подъ знамя одной, хотя бы безкорыстной, но предвзятой идеи. Буслаевъ носилъ въ себѣ сочувствіе къ работѣ духа во всемъ ея объемѣ. Онъ отдавался ея изученію съ той жаждой, которая свойственна честному уму, съ тѣмъ талантомъ, который исходитъ отъ теплаго сердца. Изучая, онъ воскрешалъ древность, чтобы жить ея лучшей стороною. Его не пугали темныя или чудовищныя формы, въ которыя облекалось развитіе народовъ; его не раздражала гибель прекрасныхъ формъ. Изъ своихъ изученій онъ выходилъ не судьей, а внимательнымъ другомъ древности. Для современности онъ не выносилъ изъ нихъ старыхъ сброшенныхъ цѣпей, а только забытыя сокровища и цвѣты, которые охотно растутъ на развалинахъ. Буслаевъ прежде всего сочувствовалъ добру и вѣрилъ, что оно торжествуетъ въ міровомъ процессѣ. Злобный призракъ случайнаго, разрушающаго разумную работу духа, не отравлялъ ему труда. Отсюда его глубокое вниманіе къ человѣческимъ вѣрованіямъ, отсюда сочувствіе къ массамъ, ищущимъ свѣта, отсюда широта его изученій, обнимавшихъ Востокъ и Западъ и народы византійской культуры, поставленные на рубежѣ между тѣмъ и другимъ.

Господа, вы согласитесь, что эти основы, руководившіе Буслаевымъ, никогда не были забыты Александромъ Ивановичемъ.

Человѣкъ съ широкими литературными свѣдѣніями, очень развитой, много видѣвшій, А. И. хорошо зналъ Западъ и Византію въ ихъ современномъ и прошломъ развитіи—историческомъ и художественномъ.

Но величавая картина византійской культуры, неизмѣняемой и элементарной какъ природа, не подавила изслѣдователя; она не приковала его волшебными узами къ созерцанію одного этого явленія. А неисчерпаемые дары западнаго духа не развили въ немъ пренебреженія къ судьбамъ менѣе счастливыхъ расъ. Русское чувство влекло его къ изученію родного народа, но никогда не заставляло утрачивать общій горизонтъ.

Духъ дышетъ, гдѣ захочетъ, и эту мысль покойный не забывалъ вносить въ свои изученія. Я позволю себѣ указать здѣсь на одну археологическую статью А. И—ча—«О чудесныхъ статуяхъ въ Константинополѣ»,—она служитъ живымъ подтвержденіемъ только что сдѣланной оцѣнки.

Одна изъ ученыхъ диссертаций А. И—ча посвящена изслѣдованію культа любимаго народнаго святаго—Георгія. Въ позднѣйшихъ статьяхъ по агіографіи онъ также обращался прежде всего къ открытію живой народной стихіи подъ традиционными формами. Другой трудъ, котораго покойный не покидалъ всю жизнь, долженъ былъ обнять огромную, важную сферу народнаго византійскаго духа—развитіе культа Богоматери.

Изслѣдователь уже приступалъ къ печатнымъ обработкамъ этого труда, который обѣщалъ дать много цѣннаго и для русско-византійскаго искусства, прежде всего—для самой оригинальной его отрасли—иконописи.

По складу своихъ интересовъ А. И. могъ дать особенно много въ этой области. Наша религіозная живопись кажется такой опредѣленной въ своихъ конечныхъ формахъ; но какой сложный историческій процессъ скрывается подъ этой внѣшностью. Какое тѣсное сліяніе началъ античныхъ, восточныхъ и западныхъ, христіанской догматической мысли и народной фантазіи; какой необычный процессъ ассимиляцій этихъ элементовъ; какая своеобразная связь технической стороны съ творческой; какая загадочная простота результатовъ. Корни иконописи поразительно разнообразны. Они скрываются въ глубинѣ, и горе изслѣдователю, который судить это растеніе по одной надземной его части или считаетъ главнымъ одинъ изъ корней его.

Символико-догматическое объясненіе иконописи, столь распространенное у питомцевъ нашихъ духовныхъ училищъ, обращаетъ въ универсальный методъ одно изъ орудій изслѣдованія. Такой приѣмъ не полагаетъ никакихъ преградъ личной изобрѣтательности, всегда находящей оправданіе въ готовыхъ формулахъ, допускающихъ увлекательную и опасную игру; подкупаетъ легко доступными результатами, оно слишкомъ

удобно, чтобы не отразиться невыгодно на природной пытливости и не охладить искренность мысли.

Историко-литературный методъ, слѣдящій связь искусства съ общими судьбами народа и его письменности, не заключаетъ такой очевидной опасности. Однако, въ неразгаданныхъ образахъ иконописи онъ незамѣтно приучаетъ видѣть только отраженіе дошедшихъ или недошедшихъ до насъ событій и вѣрованій, онъ не проникаетъ въ самобытный тайникъ ея техники. А между тѣмъ изученіе техники нашего искусства часто открываетъ намъ, что творческія новообразованія иконописи возникли въ ней самой и обусловлены тѣми механическими приѣмами, которыми такъ широко и такъ своеобразно владѣетъ иконописъ.

Этими приѣмами иконописъ незамѣтно вознаграждала недостающій ей принципъ свободнаго личнаго творчества. Въ самомъ дѣлѣ, то самое, что въ другихъ разрядахъ искусства возникало въ фантазіи художника, въ иконописи протекало внѣ его, на глазахъ непритязательнаго мастера; иконописъ, подобно природѣ, движимая механическимъ процессомъ, подобно ей таитъ себѣ способность бессознательнаго творчества. Иконописецъ, ищущій простаго сокращенія или расширенія композиціи становится создателемъ новыхъ образцовъ; даже изъ недоразумѣній или неправильностей вырастаютъ новыя художественныя формы, полныя какого-то тайнаго содержанія. Чувство даетъ имъ смыслъ, ремесло вводитъ ихъ въ оборотъ народнаго сознанія. Изъ иконописи новые образы переходятъ въ вѣрованія.

Исслѣдователю иконописи необходимъ и однообразный палеографическій методъ, — терпѣливое собраніе датъ для оцѣнки недатированнаго. Этотъ путь располагаетъ къ себѣ полезностью своихъ выводовъ, но въ концѣ концовъ онъ развиваетъ въ исслѣдователѣ холодный взглядъ анатома, которому нѣтъ дѣла до духовной стороны изучаемаго.

Работы А. И.—ча говорятъ о широтѣ его руководящихъ приѣмовъ. Статьи его, большія и малыя, разбѣяныя въ изданіяхъ ученыхъ обществъ и учреждений, посвященныя общимъ и частнымъ вопросамъ, часто только въ видѣ экскурсовъ касающіяся древняго искусства, имѣютъ одну особенность: онѣ лишены ремесленной односторонности метода.

Авторъ влагаетъ въ исслѣдованіе все разнообразіе своихъ историко-литературныхъ свѣдѣній и находчиво пользуется самыми сухими датами. Въ изученіи иконописныхъ композицій онъ всегда умѣетъ ясно и осторожно ориентироваться. Онъ безъ натяжекъ устанавливаетъ формулы развитія, различаетъ наслоенія эпохъ; онъ скорѣе готовъ отказаться отъ опредѣленности вывода, чѣмъ достигнуть его насильственно. Онъ такъ ясно представляетъ себѣ особый механическій путь, ведущій иконописъ къ

творчеству, что слѣды того-же процесса открываетъ и внѣ ея—въ литературѣ. У него есть личное эстетическое отношеніе къ иконописи, которое у большинства устанавливается только къ созданіямъ отдѣльныхъ художниковъ. На общемъ фонѣ иконописи онъ умѣетъ уловить личность иконописца. Исслѣдователь не играетъ оружіемъ и не увлекается техническими удобствами какого-нибудь одного метода,—всѣ они на лицо въ его научномъ сознаніи, онъ владѣетъ ими всѣми. Онъ не теряетъ широкой перспективы изслѣдованія и въ оцѣнкѣ чужихъ работъ, прежде всего требуетъ этой перспективы.

Его статьи, взятые въ цѣломъ, имѣютъ развивающее значеніе и кромѣ теплаго интереса всегда свидѣлствуютъ о ясной и дѣятельной мысли.

В. Щепкинъ.

III.

Первое мое знакомство съ А. И. Кирпичниковымъ совпало съ моимъ первымъ экзаменомъ. Хорошо помню, какъ О. О. Миллеръ, инспекторъ 5-ой гимназіи, въ то время (1869 г.) еще помѣщавшейся въ одномъ зданіи съ 1-ой гимназіей, добрыйшій человѣкъ, подвелъ меня въ актовую залу къ столу, за которымъ сидѣлъ высокій, худой и блѣдный господинъ, въ черномъ сюртукѣ, диктовавшій что-то мальчику, постарше меня. Съ замираніемъ сердца подошелъ я къ столу и растерянно оглянулся назадъ, вслѣдъ уходившему инспектору. Мой безпомощный и растерянный видъ, вѣроятно, не ускользнулъ отъ вниманія блѣднаго господина. Нѣсколько ободряющихъ словъ съ его стороны, и я чувствую себя совершенно по-другому: откровенно сознаюсь, что знаю и чего «не проходить» по этимологіи Кирпичникова и Гилярова. Задается разборъ «предложенія.» Нѣсколько вопросовъ, удачно мною рѣшенныхъ, придаютъ мнѣ духу; я уже настолько освоился съ учителемъ, что во время диктанта извиняюсь за свой некрасивый почеркъ, поясняя, что писалъ до сихъ поръ только по двумъ линейкамъ, а не по одной, какъ былъ разграфленъ листъ, данный мнѣ для диктанта. Диктантъ насъ окончательно сблизилъ съ учителемъ: онъ даже поставилъ мой письменный отвѣтъ въ примѣръ великовозрастному моему соратнику, державшему въ 3-й классъ и надѣлавшему въ диктантъ грубыхъ ошибокъ.

Надо ли говорить, что экзаменаторъ мой былъ незабвенный А. И. Кирпичниковъ, авторъ уже тогда мнѣ извѣстной этимологіи? Остальные экзамены сошли благополучно, я былъ принятъ въ 1-ый классъ Москов-

ской 5-ой гимназіи, и въ первый же учебный день узналъ въ преподавателѣ русскаго языка моего добраго экзаменатора.

А. И. Кирпичниковъ преподавалъ у насъ русскій и латинскій языкъ въ 1-мъ и 2-мъ классахъ, онъ былъ моимъ любимымъ учителемъ, да кажется, и большинства класса.

Остроумный, энергичный онъ интересно и живо велъ свои уроки; онъ зорко слѣдилъ за вниманіемъ класса и возвращалъ разсѣянныхъ къ дѣйствительности неожиданными вопросами. Способныхъ лѣнтяевъ онъ принималъ насмѣшками, дѣйствовалъ на самолюбіе и достигалъ этимъ хорошихъ результатовъ. Быть можетъ нѣсколько жестоко доставалось отъ него лѣнтяямъ-тупицамъ, отъ которыхъ онъ остроумно скомбинированными вопросами добивался нелѣпныхъ отвѣтовъ, заставлявшихъ хохотать весь классъ и ярко рисовавшихъ глупость отвѣчавшихъ. Но вѣдь и то сказать: гимназія не богоугодное заведеніе, и чѣмъ скорѣе такіе ученики сознавали свою неспособность, тѣмъ для нихъ и для ихъ родителей было лучше. Надо сказать, что въ молодые годы А. И. Кирпичниковъ, самъ умница, тупости не переносилъ и безъ излишняго сердоболія указывалъ тупицамъ ихъ мѣсто, чѣмъ конечно спасалъ ихъ отъ болѣе позднихъ, а потому и болѣе горькихъ разочарованій. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ житейскихъ испытаній онъ сталъ гораздо снисходительнѣе...

Въ общемъ А. И. относился къ своимъ ученикамъ очень сердечно. Бывали, правда, дни, когда онъ приходилъ видимо усталымъ и нѣсколько раздраженнымъ. Тогда надо было держать ухо востро и не провиняться, а то застыдитъ на весь классъ. Обычное же его добродушно—шутливое отношеніе никого не запугивало, а напротивъ привлекало и укрѣпляло сердечную связь между учителемъ и учениками. Какъ впослѣдствіи я узналъ, утомленность и нѣкоторая раздражительность происходили отъ чрезмѣрныхъ занятій. По окончаніи университетскаго курса самымъ сильнымъ желаніемъ его было поѣхать за границу для научныхъ работъ и окончанія диссертациі. Почему-то ему не удалось получить заграничной командировки на казенный счетъ, и вотъ теперь онъ всячески старался скопить средства на заграничную поѣздку. Для этого онъ принужденъ былъ сверхъ гимназическихъ уроковъ брать и частные, правда, хорошо оплачиваемые, но вмѣстѣ съ тѣмъ и уносившіе много силъ и досуга. Въ то же самое время онъ много писалъ: составлялъ записки по разнымъ педагогическимъ вопросамъ, двѣ изъ которыхъ были приложены къ циркулярамъ попечителя по Московскому округу въ 1868 г. (О разборѣ образцовъ иностранной литературы въ нашихъ гимназіяхъ и нѣкоторые методы обученія орфографіи), написалъ нѣсколько монографій и

издалъ, кромѣ этимологіи и сантаксиса русскаго языка, исторію русской литературы въ объемѣ гимназическаго курса. Въ свободные промежутки между уроками и этими литературными работами А. И. находилъ еще время бѣгать въ рукописное отдѣленіе Румянцевскаго Музея, гдѣ занимался по предмету своей магистерской диссертациі. Хранителемъ рукописнаго отдѣленія въ то время былъ А. Е. Викторовъ, извѣстный ученый и палеографъ, влюбленный въ рукописи и старопечатныя книги, строгій труженикъ, не позволявшій себѣ въ служебное время иныхъ занятій кромѣ какъ надъ рукописями и требовавшій того же отъ читателей рукописнаго отдѣленія. А. И. хорошо зналъ Викторова по кружку Буслаева, котораго Викторовъ называлъ своимъ учителемъ, а Буслаевъ Викторова считалъ своимъ другомъ.

И вотъ А. И., писавшій въ то время о поэмахъ Ломбардскаго цикла, о которыхъ ничего не найдешь въ рукописяхъ Румянцевскаго Музея, припужденъ былъ продѣлывать такую невинную хитрость: «спросишь, бывало, рассказывалъ онъ, какую-нибудь рукопись, раскроешь ее, а въ качествѣ пособій къ ней, что допускалось А. Е.-чемъ, наберешь изъ бібліотеки нужныхъ для диссертациі книгъ и ихъ читаешь».

Дорожилъ занятіями въ рукописномъ отдѣленіи А. И. вотъ почему. Во-первыхъ, тамъ народу было немного, не развлекали, а во-вторыхъ, придя въ отдѣленіе, онъ всѣ книги свои находилъ на столѣ, тамъ, гдѣ въ предыдущій разъ оставилъ, не терялось стало-быть времени на подачу, а то и новую выписку книгъ изъ бібліотеки.

Возвращусь къ прерванному разсказу.

Только два года, въ первомъ и во второмъ классѣ, преподавали намъ А. И. Кирпичниковъ. При переходныхъ экзаменахъ въ третій классъ рядомъ съ нашимъ дорогимъ учителемъ сидѣлъ новый, Ѳ. А. Гиляровъ, другъ и товарищъ Кирпичникова, которому тотъ, уѣзжая за границу, передавалъ свои уроки. При отвѣтахъ нашихъ на экзаменѣ А. И. что-то тихо говорилъ Гилярову; какъ я понялъ изъ словъ, сказанныхъ при моемъ отвѣтѣ, онъ сообщалъ преемнику свои замѣчанія о каждомъ изъ насъ.

Вскорѣ потомъ—это было въ 1871 году—А. И. уѣхалъ за границу слушать лекціи въ Берлинѣ и Вѣнѣ, написалъ магистерскую диссертацию: «Опытъ сравнительнаго изученія западнаго и русскаго эпоса. Поэмы Ломбардскаго цикла». По защитѣ диссертациі онъ былъ назначенъ профессоромъ въ Харьковскій университетъ.

Долгое время потомъ я не встрѣчался съ своимъ любимымъ учителемъ. Слѣдующія встрѣчи мои съ нимъ были лѣтъ черезъ десять въ гостепріимной семьѣ нашего съ нимъ общаго профессора Ѳ. И. Буслаева.

Будучи студентомъ, я издавалъ лекціи Буслаева и подъ этимъ предлогомъ часто посѣщалъ Ѳ. И. и тотъ нерѣдко дарилъ меня своими драгоценными бесѣдами. Буслаевъ считалъ Кирпичникова однимъ изъ лучшихъ своихъ учениковъ. Не разъ говаривалъ онъ мнѣ; «Вотъ, мои ученики, Веселовскій, Кондаковъ, Кирпичниковъ, — всѣ они обогнали меня, такъ и слѣдуетъ. Меня радуетъ, что это мои ученики».

Помню, какое удовольствіе доставляло Ѳ. И. Буслаеву извѣстіе, что въ Москву пріѣдетъ Кирпичниковъ. Объ этомъ тотчасъ же сообщалось всѣмъ намъ, постояннымъ посѣтителемъ. Кирпичниковъ пріѣзжалъ, останавливался, конечно, въ квартирѣ Буслаева и въ ближайшій приемный день его всѣмъ показывали. Въ это время все вниманіе Ѳ. И.—ча бывало устремлено на Кирпичникова: съ нимъ онъ бесѣдуетъ, спорить, а намъ, младшимъ ученикамъ, оставалось только слушать и поучаться.

Во мнѣ, каюсь, это возбуждало нѣкоторую ревность, хотя я любилъ и того и другого. Но если у Буслаева Кирпичниковъ былъ однимъ изъ любимыхъ учениковъ, то для Кирпичникова Буслаевъ былъ самымъ любимымъ учителемъ, которому онъ стремился во всемъ подражать. Сравните ихъ ученую и педагогическую дѣятельность. Та-же любовь къ западной литературѣ и сравнительное съ нею изученіе русской, то-же пониманіе Византіи, занятія русской иконописью сравнительно съ византійской, наконецъ тѣ-же самые научные и педагогическіе приемы, которые такъ хорошо охарактеризовалъ А. И. Кирпичниковъ въ своемъ отзывѣ о Ѳ. И. Буслаевѣ и которые съ равнымъ правомъ могутъ быть отнесены къ нему самому: «Онъ былъ, говоритъ А. И., о Буслаевѣ, первымъ ученымъ и по глубинѣ и по широтѣ своего умственного кругозора, и по горячей преданности дѣлу, а въ то же время оставался живымъ и искуснымъ педагогомъ, который старается не только о томъ, чтобы излагаемое имъ было наиболѣе полной истиной, но также и о томъ, чтобы эта истина была наиболѣе пригодною для данной аудиторіи и чтобы она могла быть усвоена ею вполне и съ наибольшей пользой.» Подобные отзывы объ А. И. Кирпичниковѣ мы недавно слышали на его могилѣ изъ устъ его учениковъ.

С. Доловъ.

26629